

Р1
853

М.А.ДМИТРИЕВ

Московские элегии

Стихотворения

•
Мелочи
из запаса моей
памяти

А-33647

Московский рабочий

1985

Библиотека общества
Библиотека им. Н. К. Крупской

От стран ли дикого Востока
Пришел ты в обществе меча,
В руках ревнителей пророка
Слепому рабству нас уча?

Иль чуждого происхожденья,
Ты по сродству нам близок стал,
И не единого мгновенья
Еще нерусским не бывал?

Скажи мне: грешною спиною
Тебя кто первый перенес?
От униженья ль пред тобою
Он лил потоки горьких слез?

Иль честью не обеспокоен
И крепок выей и хребтом,
• Он был равно тебя достоин
Перед людьми и божеством?

Меж нами действуя свободно,
Пришлец в России вековой —
Ты лучший страж любви народной
И власти верный часовой!

1858

С. Т. АКСАКОВУ

В те дни, как жил Василий Львович,*
Когда Антонской-Прокопович
Еще словесников собирал;
Когда Кокошкин возглашал
Торжественно и важно оды,
Так что дрожали залы своды
И автор с радости дрожал;
Когда для публики московской
С старинной злостью Каченовской
И с новой скукой — выдавал
Уединенно свой журнал:
Тогда мешали с шуткой дело,

* Пушкин. (Прим. автора.)

Писали, говорили смело,
Шутили тонко и остро,
Что ныне несколько старо;
Затем-то я, как антикварий
Литературных наших дел,
Хоть не знаток оксий и варий,
С тобой в последни захотел
Возобновить тех дней преданье,
Пожить еще в воспоминанье,
В последни душу отвести,
Сказав минувшему: прости!

Да! золотое было время
И благодатные они
Для Руси были эти дни!
Тогда лишь только спало бремя
Войны всемирной с наших плеч!
Смела была России речь!
Между держав, спасенных ею,
Она одна рукой своею
Держала Запад и Восток;
Никто, никто не смел пред нею
Сказать ни слова поперек!
Москва из пепла возродилась,
Цвела и славою гордилась,
Огнем омывши свой позор!
Поэты, как пернатых хор,
Воскресший снова после бури,
На солнце, средь небес лазури,
Летали вольно, высоко!
Их песнь звучала далеко!
Парнас был полон благодати!
Жуковской был Тиртеем рати;
Роскошный Батюшков в те дни
Был наш Тибулл и наш Парни!
Державин песнью лебединой,
Не очень звучной, очень длинной,
Пропел свой гимн и не отстал
От юных плесков и похвал,
Как дед от юных смелых внуков!
Еще был жив князь Долгоруков,
И меткой речью иногда
Не отставался без следа!
Мой дядя, Дмитриев — безмолвно
Напевам молодым внимал;

По их с улыбкой ободрял,
Делил венок беспрекословно,
Который некогда ему
Сплели за песни самому!
Давыдов — проето, без Пегаса,
Летал на высоты Парнаса
На боевом своем коне,
Таким же смелым ураганом,
Как мимо всех он партизаном
Летал в дыму, летал в огне!
Воейков — тот остро злословил;
Но пел искусства и сады!
А Карамзин уже готовил
Свои великие труды
Принести на жертвенник отчизны,
Деянья Руси оживить
И нашим предкам посвятить
Великолепный праздник тризны!
Но что! И самый граф Хвостов
Был слышен тоже, как другие!
Он тоже пел хвалы России,
Ее восстанье после ран;
Он, как турецкий барабан,
В концерте не считался лишним!
И как смеялись одам пышным
Весь Петербург и вся Москва!
Всея братьи пишущей забава,
И он гремел; а что же слава,
Как не всеобщая молва!
Тогда ж и Пушкин, цвет прелестный,
Зацвел, и с первых дней известный,
Ревнуя опытным орлам,
Уж порывался к облакам!
Такое было это время!
Такое счастливое племя
Под кровом родины цвело!
Дни дарований, громкой славы,
Беспечной воли и забавы!
Для стариков оно прошло!
Что будет впредь — судьбины тайны!
Но год бывает урожайный,
Когда то дождик, то тепло;
А не тогда, как ранний холод
Свернет, что только расцвело!

Тяжел судьбы холодный молот!
Все жаль, что старое прошло!
И счастлив, кто тогда был молод!
Ты верно, верно не забыл,
Как в скромном домике ты жил,
На площади Сенной Арбатской,
Где нас комедией дурацкой
N.N. однажды угостил!
Как долго, долго после чтенья
Мы хохотали без зазренья!
Теперь — осудят, молвят: дрянь!
И прочь пойдут; и смеха дань
Не наградит за претерпенье!
А смех — он легкой жизни плод,
Когда живется без хлопот,
Когда все мысли удаются!
Одни счастливые смеются!
Счастлив смеющийся народ!

Ты помнишь, как к тебе съезжались
Мы в старину по вечерам,
Чем мы в беседах занимались?
Что было первой целью нам?
На чем вертелись разговоры?
О чем бывали наши споры?..
Поэзия — она, она
Была предметом нам одна!
С какой отвагой благородной
Ценили мы, что превосходно!
Как отвергал наш верный суд
Пустой натуги пошлый труд!
Как всякий лиры отзыв новый
Мы были с радостью готовы
Тотчас принести на суд друзьям!
Но суд был строгий, откровенный,
И сколько, сколько тут мгновенно
Рождалось острых эпиграмм!
Где он, юнейший наш приятель,
Поэт и тонкий наблюдатель!
Зачем он рано отлетел?
Зачем, зачем он, как предатель,
Нас подождать не захотел?
Кто знает! в дни судьбы железной,
Когда нет дружбы бесполезной,
Когда без выгод связи нет;

Как спроста сказанное слово
Боишься, чтоб дорогой новой
Не пролетело за секрет;
Когда в самой литературе,
Благодаря такой цензуре,
Закрыты мыслям все пути;
Когда ни в дни народной славы,
Ни в дни страдания державы
Живого слова не найти;
Когда во дни волнений мира
Поет войну у нас не лира,
Какой-то с присказкой гудок,
Как будто нанятый на срок;
Когда последний отклик слова,
Восторгом полного живова,
И благородный правды звук,
Гимн окрыленный Хомякова
Не перешел цензурных рук:
Кто знает! с юношества лирик,
Элегик, комик и сатирик,
Быть может, Писарев живой
Теперь бы тоже нос повесил,
Рассудком хладным век свой взвесил,
Покинул лиры звонкий строй
И охладел, как и другой!
Его замолкла б эпиграмма!
И он, затерянный средь хлама
Литературных мастеров,
Забыл бы живость острых слов!
Никем не понятый, уверен,
Что остроумье ни почем,
Что пошлость тешат шутовством,
Молчал бы он, удостоверен,
Что и печатные листы,
И их читателей гурты
Не стоят даже остроты!
Не думай, что сужу я строго,
И не трудись мне возражать!
И нынче — я готов сознать —
Нас любят смехом потешать;
Но шутовства у нас и много,
Да остроумья не видать!

Тогда была у нас словесность
В избранный круг билет на вход;

Литературная известность
Давала место и почет!
Теперь, кругов в смятенье диком,
Талант иль вовсе незнаком,
Иль без таланта, партий криком,
Пройдешь великим знатоком!
И было бы нынче как-то странно
В беседе светской своею правно
Речь на словесность навести!
Другой, наш горизонт пространной!
Открылись шире нам пути!
Язык богов — теперь не в тоне!
Из всех талантов два — в салоне
Пристойных: петь и танцевать!
В кругу общественном обычно —
Поговорить слегка, прилично,
Но мыслью мозг не отягчать!
И разных верований века,
Иль убеждений человека,
Не убежденного ни в чем,
Который только лишь по слуху
Поверил времени и духу,
Не задевать своим умом,
Своим не потчевать добром!

Я начал шуткой, кончил грустно!
Прими, как будто бы изустно
Я говорю, как мой язык
С тобою говорить привык!
Я шутку первую поправлю
И на любимый нам предмет
С тобою выду, как на свет!
Нет! я высоко в мненьи ставлю
Литературный бывший круг,
Который каждый месяц прежде
Сбирался в сладостной надежде
Нетщетных родине заслуг;
Заслуг негромких, тихих, мирных,
Но цель была их высока:
Согласованье звуков лирных
И верный кодекс языка!
Ты помнишь эти заседания!
Какое пышное собранье
Духовных, светских, важных лиц,
Героев в толстых эполетах,

Прославленных во всех газетах,
И дам нарядных и девиц!
Ты помнишь и псалмы Шатрова,
И рассужденья Мерзлякова;
И как Буянова певец,
В одышке, Пушкин под конец
Бывало басню распотешит;
Как скромный старец президент,
Взглянув на дам, ряд звезд и лент,
Бывало несколько опешит,
Боясь, чтоб шутка иногда
Не оскорбила их стыда,
Чтоб стих иной, иное слово
Прошли для общества здорово,
Чтобы правительству оно
Не показалось вольно!
Но все в безмолвии внимало,
И уважением полно!
И это было все давно!
И все прошло, как не бывало!
Так птиц пугает ложный страх;
Когда, зашевелись в кустах,
Внезапный ветр листы их тронет;
Как он пугливо бедных гонит,
Так ложный страх разрознил муз
И благородный наш союз!
Успех полезный и немалый!
Суд важный общества затих;
Зато — для дарований вмиг
Открылись толстые журналы!
Но как их произвольный суд,
Корысть, пристрастье, полужнанье
В душах питают дарованье,
И говорить излишний труд!
Вот мы с тобой, как инвалиды,
Перетерпевшие обиды,
Не тяжких ран, а тяжких лет,
Осуждены смотреть безмолвно,
Как зло, корысть — беспрекословно
Завоевали целый свет!
Сидим у моря: ждем погоды!
Не доживем ли мы когда
До дней веселых, до свободы,
До беспристрастного суда!

А там ватагой богомерзкой
Союз на Русь составлен зверский,
Союз, неслыханный дотоль;
Клевещут нас, поносят дерзко
И братъ хотят Севастополь!
Ты помнишь бедствия державы,
Затменье временное славы,
Когда на Русь была беда:
Мы, над Москвой свершая тризны,
В день грозный божьего суда
Переживали укоризны;
Но поношенья — никогда!
Все также русского солдата
И грудь крепка, и верен штык:
За Русь ничто нам крови трата!
Но от чего же дух поник?
Что косен робкий наш язык?..
И оттого-то песнопенье,
Как ни натягивай струну,
Не то, что было в старину!
Тех дней великих вдохновенье
Сменил усердных слов подбор,
Слепой преданности позор
И тяжкий грех боготворенья!

30 января 1855. Село Богородское

СТАРИК

Toujours plaint le présent et vante le passé.
*Boileau **

1

«Я стар и много помню, други!
Я помню дни любви, мечты,
Дни уважения заслуги,
Дни обожанья красоты!
Я помню юность молодою,
Радужный смех и шум пиров,

* Мы всегда жалуемся на настоящее и превозносим прошлое.
Буало.